

5.5P4
432
Е.ЦЕЙТЛИН

Жить
И ВЕРИТЬ...

о В. Чуднове

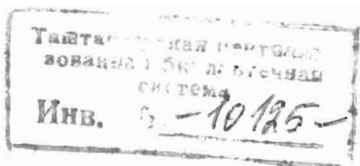

**Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока**

Е. ЦЕЙТЛИН

ЖИТЬ И ВЕРИТЬ...

Документальное
повествование
о Викторе Чугунове,
шахтере и писателе

Кемеровское
книжное издательство
1983

ББК 83.3(2)7
Ц29

Цейтлин Е. Л.

Ц29 Жить и верить... Документальное повествование о Викторе Чугунове, шахтере и писателе.— Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 60 с.

10 к.

Е. Л. Цейтлин, кандидат филологических наук, член Союза писателей СССР, рассказывает о жизни и творчестве молодого кузбасского прозаика Виктора Чугунова, безвременно ушедшего из жизни, автора книг «Полметра до катастрофы», «Иван и Мария», «Синий ветер Ала-Тау», «Таежина».

Ц $\frac{70302-08}{M145(03)-83}$ 25 83 4603010102

ББК 83.3(2)7
Ц 29

© Кемеровское книжное издательство, 1983

Странные символы обрамляют иные писательские судьбы.

Свой первый сборник рассказов, изданный в 1967 году, Виктор Чугунов назвал «Полметра до катастрофы». И погиб он в декабре 1973-го именно в катастрофе. Автомобильной. Погиб случайно, нелепо...

Многозначительно и другое: он сам написал себе лучшую эпитафию. Сам сказал последнее, точное слово о жизни своей души. Незадолго до гибели Чугунов закончил рассказ, герой которого — отпускник — отправляется по пыльным сельским дорогам к затерянной в глубине России могиле любимого им писателя. Герой хочет понять «течение жизни на земле». Хочет «хоть на несколько минут возрасти до великого и мудрого...»

С этой же простой, неизбывной мечтой жил и творил писатель Виктор Чугунов.

Трудно восстановить путь человека, даже самый короткий; давно известно: человек — это целая вселенная, которая вместе с ним родилась и вместе с ним умирает. Еще труднее восстановить путь художника, творца: он сам воссоздает историю многих душ, воскрешает многие людские миры.

Вот почему пишу не только очерк о Чугунове-человеке, не только критическую статью о Чугунове-прозаике. Это послесловие к недопетой песне, размышления об одной промелькнувшей судьбе. Однажды под утро, в маленьком номере междуреченской гостиницы,

я вдруг понял, почему уже несколько лет вновь и вновь перечитываю его книги и рукописи, будто еще что-то хочу в них найти.

Так оно и было. Вот и сейчас передо мной лежат письма Виктора Чугунова жене и детям (увы, автор никогда не думал, что их будут держать чужие руки). Его дневники, записные книжки, страницы воспоминаний друзей. И еще — наброски, черновики: «Тайное тайных» художника...

Передо мной — его жизнь.

Рассказ о писателе можно начать с любой точки его жизненного пути.

Можно начать с детства — давно ушедшего, отодвинутого навсегда стеной взрослых дел, утрат, новых встреч, будней. С детства, в котором таинственно складывалась душа и к которому возвращаешься потом всю жизнь — так и не вернешься.

Можно начать с юности, когда особенно жажен в познании жизни и людей, когда многое видится впереди и кажется: все-все сбудется...

Можно процитировать высказывания критиков о произведениях писателя. Еще правильнее сразу начать с анализа лучших его вещей — ничто точнее не представит художника, чем его творения.

Все же начну с другого. С дневника Виктора Чугунова, который никогда не предназначался для печати¹. Эти записи — может быть, самый точный его портрет: Чугунов казался общительным, имел много друзей, но одновременно был застенчив, не любил говорить о сокровенном и лишь дневнику в течение многих лет доверчиво открывал душу.

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить вдову писателя Н. А. Чугунову за предоставленные мне материалы личного архива В. А. Чугунова.

Эти записи надо читать подряд: нелепо выбирать, выхватывать отдельные строчки; связь между ними неразрывна, как между днями человеческой жизни, которые поэтичны своим стремительным, уносящим потоком.

Вот заметки начала 1968 года.

...«Долго бродил во дворе. Низкие облака, точно белые птицы».

7 января. «Пахло весной. Был восход — желтый. Солнце, как лимон. Безмерно тихо. Грузный воздух».

9 января. «Писал «Бери и помни». Недоволен. Чувство, будто понимаю, а не могу. Обидно. Так нельзя...»

10 января. «Идет снег. Думаю о том, что тяжело одному писать. Пошел на работу. Небо мглистое, лохматое, но еще светло».

23 января. «Литература напоминает сновидения. Как сны, она бывает и хорошей, и плохой, и кошмарной».

26 января. «После крещенских морозов стало теплее. Идет снег. Хорошо, ни с чем не сравнить».

1 февраля. «Темная ночь с редкими зеленоватыми звездами. Месяц, будто полоз детской качалки, бордовый, виден сквозь деревья. Надсадно ухает паровоз. Полоска облаков, бледных, как пепел».

2 февраля. «У каждого человека две стороны — внутренняя и внешняя. Внешняя — единство с миром и законами, внутренняя — против».

7 февраля. «Утром сегодня зима с таким запахом, как в детстве. Помню, катался с братом на лыжах. У брата лыжи белые, круто загнутые носки. Он сам гнул на огне».

9 февраля. «...Открыл Куприна... «Олеся». Очень страшно, по-русски, и горько».

10 февраля. «Закончил черновик романа. Хорошее

настроение. На улице наметелило серебристого снега».

25 февраля. «Почти весна. Снег не тает, а топится. Запах воды. Ходили в тайгу на лыжах. Ели мороженую калину».

27 февраля. «Отдыхаю от всякой работы. Хожу по улицам и думаю, что люди за последние десять лет стали красивее».

Прерву эти записи вопросом, обращенным Виктором Чугуновым к самому себе. Взрослый мужчина перечитал знаменитый рассказ И. Тургенева: «Муму». Плакал. Почему плакал? Всякий ли плачет?..»

Как попали в его дневники — в таком обилии! — записи о жизни природы, подробнейшие заметки о существовании и повадках зверей, птиц?

Бывший мальчик, выросший на городской окраине, не уставая, внимательно всматривался в мир, окружавший его.

Примечательна деталь: записи эти были, если можно так выразиться, бескорыстны — они не служили для Чугунова, как для иных писателей, заготовками к будущим книгам. В его произведениях природы мало, точнее — она как бы незримо присутствует за всем тем, что происходит в рассказе или повести. Она — часть гармонии, к которой трудно идут герои.

Не сразу понимаешь: к этой гармонии шел и автор. Природа же помогала его душе сосредоточиться, понять себя, ощутить собственное место в вечном, празднично-будничном хороводе бытия.

В своих дневниках Чугунов тоже предстает как художник. Не стремясь к тому, несколькими штрихами он создает образ — человека, проблемы, явления. И все-таки самое главное здесь — «работа души», почти запротоколированная, кажется, чудом попавшая на страницы дневниковой тетради.

Старт Чугунова-писателя был очень удачным. Никогда после он не знал такого успеха, какой выпал ему весной 1966-го на кемеровском семинаре молодых литераторов Западной Сибири и Урала.

Чугунов приехал в Кемерово из Междуреченска, приехал уже к концу работы семинара. У него почти не было здесь знакомых. Никто от него ничего не ждал. Неожиданные открытия в искусстве бывают редко, потому особенно радуют. Чугунов прочитал на семинаре свой рассказ «Локобель». Как вспоминают очевидцы, руководитель секции прозы Сергей Антонов спросил тогда автора: «Где же вы были раньше?» И сказал уверенно, сразу: «Это писатель».

Отчет о семинаре корреспондент «Литературной газеты» Илья Фоянков начал с анализа «Локобели». Другие газеты писали о появлении Чугунова как о «сенсации». Кто-то, выражаясь слогом спортивных комментаторов, назвал молодого автора «фаворитом» семинара.

Раздумывая о том, почему рассказы В. Чугунова «талантливы, своеобразны», Сергей Антонов размышлял на страницах «Комсомольской правды» не о темах, не о языке начинающего прозаика — об «алгебре» писательской работы, об уровне психологического мастерства. «Автор не торопится делить героев на белых и черных, — замечал С. Антонов, — он умеет осторожно и незаметно подвести читателя к самостоятельной оценке поведения действующих лиц, заставляет читателя мыслить и проникать в загадку сложных жизненных поступков...»¹

Потом, вспоминая о старте, Чугунов не раз обретал «второе дыхание». Кто знает, может быть, вспоминал он и старую актерскую примету: за счастливым дебютом — дорога с терниями.

---

¹ Комсомольская правда, 1966, 3 июля.

Перечитывая сейчас «Локобель», вглядываюсь в жизненное пространство этого рассказа. Думаю о четырех его героях, которые много суток подряд идут по тайге. Надрываясь, из последних сил, тащат тягачом локобель. Вот они: угрюмый силач Трофимов, старший этой группы; его жена Татьяна, которая каждую ночь уходит к юному слесарю Семену; пожилой проводник Кабин, отказывающийся понимать поступки этих людей.

Да, рассказ сделан неожиданно опытной писательской рукой. Не случайно в центр повествования автор поставил Кабина, почти уже прожившего свой век в таежной деревушке, уверенного в том, что хорошо знает жизнь. Не зря автор время от времени передает нам его тревожные внутренние монологи, недоуменные разговоры с другими персонажами. Так — через наивно-простодушные вопросы Кабина — писатель и читатель одновременно идут к истине.

Чугунов смело сталкивает разные моральные установки: привычные, верные, но несколько абстрактные, как всякий стереотип, и те, к которым человек приходит трагически, неизбежно.

Кабин мучается. Он не может понять, что стало с миром, с людьми. Почему Трофимов спокойно спит, когда жена изменяет ему? Почему «свихнулась» Татьяна? Почему Семен, только что пришедший из армии, вместо того чтобы «работе отдаться, для людей жить — с бабой спутался, для себя тянет».

Традиционные истины в устах Кабина убедительны, они принимают вид безусловной жизненной правды. Полупрезрительно обвиняет Кабин каждого из героев в нехватке душевной чуткости, в какой-то нравственной слепоте. «Рабочая лошадь, — думает Кабин о Трофимове. — Баба шуры-муры крутит, а он вбил себе в голову: тащи эту бочку вперед — и баста». По ночам Кабин не спит. Он со страхом смотрит в небо и стара-

ется представить, к чему может привести этот всеобщий моральный беспорядок: «...проснется Трофимов и спросит его: «Где Танька?» И что тогда станет он, Кабин, делать: притворится ли спящим или все начисто расскажет? И у него сохло в горле, когда он представлял себе, как бросится этот битюг к реке, как завоюет и как будет разделяться с женой и мальчишкой...»

Психологические «кроссворды» Кабина становятся все запутаннее. Вот уже не только старый проводник — читатель не может понять: в чем дело? Особенно тогда, когда узнает: Трофимов, который по ночам «сопит размеренно и глубоко, мирно разбросив ноги», вовсе не спит, а чутко, затаив свою боль, прислушивается ко всему, что происходит в ночи. И Татьяна знает об этом. Но поет по вечерам свою «грустную и ласковую» песню. И отчаянно уходит в ночь. И спокойно ждет неминуемой расправы.

Рассказ кажется жестоким, потому что в нем нет иллюзий: бесстрашно обнажено здесь то, что нередко люди скрывают не только от других — от себя.

Обычно многие произведения строятся на утверждении какой-то одной, важной для писателя мысли. Чугунов показывает нам три индивидуальные жизненные правды. И каждую из них он не может отвергнуть, зачеркнуть. Каждая индивидуальная правда нужна искусству: ведь за ней — человек, его потрясения, мечты, вера, счастье. И в этом, в конечном счете, состоит правда, утверждаемая автором рассказа. Она словно вбирает в себя все три «личные правды» героев и как бы поднимается над ними. Чугунов напоминает: этим-то жизнь и сложна. И этим мудра. И, может быть, даже прекрасна этим.

Писатель непредубежденно прослеживает мужественную логику поведения Трофимова, которого долгие годы в тайге научили: самое главное для чело-

века — это его долг перед другими людьми, его работа. «Мне дело порученное надо сделать», — упрямо твердит Трофимов. И он терпит все, идет на унижение. Он знает: без Семена локомотив из тайги не вытянуть.

Есть своя правда и у Татьяны, которая жадно тянется к любви (хотя, может, и выдумывает ее). Обреченно и горько Татьяна признается: «Душа... чахнет...» И торопится. Боится упустить хоть несколько дней счастья.

Чугунов — честный художник. Он не хочет идти против правды и когда пишет о Семене. Еще не страдавшем, еще по-настоящему не любившем, только узнающем жизнь; Семен не может, не в силах отказать от вечной, как мир, сладостной женской ласки.

Как рождается в литературе трагическое? Очень часто именно в столкновении нескольких индивидуальных жизненных правд. Такое столкновение происходит и в рассказе «Локомотив». Эту трагическую коллизию мог позволить себе лишь художник, уверенный в своем умении не только понять, но и психологически объяснить, безошибочно мотивировать самые «странные» поступки людей. Художник, знающий о своих героях все, до самых «стыдных» деталей. И несмотря ни на что — преданно любящий, глубоко уважающий человека.

Отец Виктора Чугунова, Александр Александрович, отказался встретиться с приезжим: смерть сына подкосила старого железнодорожного машиниста... Мы сидели с матерью Марией Михайловной, и она рассказывала мне о детстве сына.

У матери своя память. И свои детали: говорить

Витя начал поздно, но различал музыку, требовал поставить ту или иную пластинку. Учиться никто не заставлял, однако учился хорошо...

А я думал: Чугунов считал тему «военного детства» закрытой для себя как для писателя: слишком освоена эта тема искусством. И все же он писал о собственном детстве; во многих вещах Чугунова есть страницы, автобиографичность которых теперь очевидна. Есть мир городской окраины — «мир добрый, но неустроенный и долгий-долгий»: «рубленые да насыпные дома, тополя, акации, заплоты, огороды, куры, собаки. У оград — сухие бревна, зеленые кудри мурашки, а в глухих проулках — вытоптанные пятки, по-нашему «топтогоны», с музыкой, песнями, танцами и драками».

Вот беглый абрис его детства. Легко представить недостающие детали. Маленький домик рядом с железнодорожным депо. Своеобразный быт — полудеревенский-полугородской. Целыми днями окрест оглушительно кричат паровозы, а рядом, в сарае, мычит корова, убирать за которой — обязанность мальчика. Отец приходит с работы перемазанный сажей, но вокруг — типично сельский пейзаж.

Две страсти прошли через детство Вити — птицы и музыка. Две страсти эти пересекли потом жизнь Чугунова, в чем-то определив его нравственный характер.

Никто не учил Витю играть на баяне, фортепиано, сам выучился — по самоучителям, приглядываясь к тому, как играют другие. Тогда же он начал сочинять песни — в основном, лирические, задумчивые. (Потом Чугунов переписал их в два альбома, которые теперь хранит жена.)

Мария Михайловна плачет: когда Витя уехал из дома, его голуби и щеглы, отданные соседским ребя-

там, часто летали над двором — искали прежнего хозяина.

Куда же увела его дорога юности? Как ни странно, маршрут был Виктору почти безразличен. Учиться музыке не позволили родители: «Из нашей рабочей семьи артисты не выходили»... Поехал в Новокузнецк, в Сибирский металлургический; поступил, но возвратился домой — из солидарности с друзьями, которые завалили экзамены. Два месяца Чугунов проучился в медицинском, бросил — понял: не его это стихия. Снова отправился в металлургический. Стал учиться на горного инженера. Сначала на вечернем (работая плотником), потом — на дневном. Увлёкся, полюбил свою специальность...

Но тут начинается уже другой сюжет, другая повесть.

В жизни каждого писателя есть тот сокровенный период, когда он только загадывает свою судьбу и свою славу. Когда с удивлением вглядывается в первые напечатанные вещи, находя под ними свое имя. Когда горы черновиков кажутся и счастьем и несчастьем — всем вместе. Когда замираешь, обдумывая новый замысел, и не веришь в себя, и надеешься сказать несказанное.

Была ли такая пора у Чугунова? Сразу и не ответить.

Начинают обычно с неумелых заметок в местных газетах. С лирических зарисовок, с коротких рассказов-репортажей из недавнего детства. С неуклюжего подражания известным мастерам. Обычный путь, и нет в нем ничего дурного.

Казалось, Виктор Чугунов начинал совсем не так. Редактор двух его прижизненных книг Л. В. Глебова с некоторым удивлением пишет: «Я не помню в рас-

сказах этого молодого, неопытного автора нечетких или «дремучих», невнятных фраз, смысл которых необходимо было прояснять или которые нуждались бы в сокращении, так продуманна была у него каждая фраза: в ней не было места случайным словам. С его рассказами можно было или соглашаться или отвергать их вкупе».

Перебирая материалы архива Виктора Чугунова, я понял причину этого. Нет, он не был исключением из правила. И у него тоже был период овладения азами ремесла. Все дело в том, что у Чугунова этот период завершился быстро, поразительно быстро. В его архиве я прочитал несколько слабых «ученических» рассказов, которые и сам автор считал таковыми. Тут же были его поздние, зрелые, вещи. Их отделяла временная граница всего в несколько лет.

Он начал писать прозу в декабре 1958 года — во время поездки на практику в Донбасс. Особенно хорошо писалось в поезде. Стук вагонных колес, отъединенность, «отрешенность от мира и быта», внезапные озарения и уже непреодолимое желание — творить... В ноябре 1959-го они приехали с женой в Междуреченск. А ровно через год Чугунов перевязал свой первый рассказ тесемочкой и отнес в редакцию междуреченской городской газеты «Знамя шахтера». Он волновался: стеснялся того, что занимается «сочинительством», ждал сурового суда профессионалов. Потому вместе с автором в газету отправилась его жена. Надежда Алексеевна ходила по улице около редакции, стояла в редакционном коридоре. Так начала она нести трудный крест спутницы писателя.

Это увлекательно — следить за тем, как прозревает зерно, как растет и набирает силы талант. Уже по этим самым первым рассказам ясна основная примета творчества Чугунова: новеллистичность. Писатель берет жизнь человека на изломе, в тот момент, когда многое

рушится в привычном ходе бытия или наоборот — создается. И чрезвычайное выявляет то, что в буднях не всегда явно — природу человеческого характера.

Вот рассказ «Кража». Тот самый, что был в свое время переписан Чугуновым в двух экземплярах и перевязан тесемочкой. Сюжет его прост, почти тривиален. Жена, вернувшаяся после долгого отсутствия домой, узнает о том, что любимый и любящий муж изменил ей... Но художественно осваивая тривиальную ситуацию, писатель, как и во всех своих лучших произведениях, отказывается от окончательных выводов. Чугунов показывает не только прозрение жены, но и искренние муки мужа, его страдания. И истинную суть этого человека: все было бы хорошо, считает он, если бы никто ничего не узнал... Заметим, что у молодого автора глаз истинного психолога. Однако, увы, ему не хватает мастерства реалистического письма: ситуация увидена верно и точно, только она еще не «обросла» плотью искусства — неизменными, неповторимыми деталями.

Чугунов искал свой жанр, свой стиль. На это и ушло несколько лет.

Он любил юмор, ценил хороший анекдот. В рассказах его смешное и драматическое живут рядом, ничуть не мешая друг другу. Писатель видит картину жизни не в одной краске, и это тоже называет правдой — художественной. В смешном он умеет разглядеть драматизм: читатель вдруг перестает смеяться, думая об уникальности данной каждому из нас жизни. В драматической ситуации Чугунов замечает суетливые, смешные мелочи. И мы понимаем относительность всего происходящего; вспоминаем о завтрашнем — новом и мудром — дне.

Но такой сложный взгляд на жизнь выработался у прозаика не сразу. Первые рассказы Чугунова как раз и не получались часто из-за неумения автора найти

для увиденного им многомерного жизненного материала нужный угол художественного зрения. Неудачей заканчивались попытки Чугунова написать ту или иную жизненную сценку, эпизод в каких-то одних тонах...

От отдельных, фрагментальных зарисовок он шел к полновесным картинам жизни. Следишь за тем, как переделывал Чугунов свои вроде бы уже совершенно готовые произведения, и поражаешься его художественному чутью. Рассказ «Ева» вполне мог существовать и в том виде, в каком появился впервые в трех номерах (16, 19 и 21 октября 1966 г.) «Знамени шахтера». Рассказ не назовешь неудачным. В нем есть два ярких характера. Характер искренней, как природа, но, как природа же, и своенравной девушки по имени Ева. И характер старухи, шпионящей за девушкой ради сына, ревнующей ее к другим парням. Позже автор переделал рассказ в повесть «Таежина». И вместо добросовестной зарисовки нравов встала перед читателем сложная история одной любви, крупным планом возникли две человеческие судьбы, своеобразно скрепляющиеся с судьбой страны, равнозначные напряженному ритму времени.

Один из самых интересных поздних рассказов Чугунова — «Минька Родонов, сторонник Маркса» вырос из сценки «Лунной ночью» («Знамя шахтера», 8 января 1961 г.). И тут и там сказовая манера, услышанные в самой жизни диалоги. Но в ранней сценке — только быт сельского попа и его матушки, от скуки и безделия прикладывающихся к спиртному, выкрикивающих возле церкви непотребные слова. В «Миньке Родонове» история глупого попа — лишь небольшая часть рассказа. Главное здесь — движение самой Истории, увиденное в разрезе самобытных характеров, эпос революции, показанный через «душу человека».

И все же: почему Чугунов так быстро прошел путь ученичества? Думая об этом, не забудем: у него было не только яркое дарование. Была у него очень сильная воля. Он знал это сам и верил в себя, в свое будущее.

Я приехал в Междуреченск в конце января, когда этот маленький городок, притулившийся возле огромных гор, был густо заметен снегом. Три года, как не стало Виктора Чугунова. Только три года: в гостинице я открыл телефонную книгу, там еще было его имя и номер: 34-20.

Я часто бродил потом по улицам, многие из которых в предчувствии больших перспектив были названы проспектами, и вспоминал о том, что Чугунов очень любил этот город. Любил чистый, резковатый горный воздух. Любил жителей Междуреченска — шахтеров. Поступая в Литинститут, он — по словам Виктора Козько — объяснял девушке-секретарше: «Как Венеция, только без гондольеров и серенад. Шорская Венеция, меж двух рек. Рыбу прямо с балкона ловим. Серенады поют медведи». Эти шуточные слова можно печатать в рекламных проспектах: они точны в той степени, в какой точна поэзия.

Много раз Чугунов отказывался переехать в другие, «центральные» края. Нетрудно понять, почему. Зимой он ходил в горы и подолгу стоял возле уходящих в небо сосен. Летом при любом удобном случае отправлялся на рыбалку.

Любовь к Междуреченску сказалась и в том, что родной город стал местом действия многих произведений Чугунова. Один из рассказов — печальный и мужественный — он так и назвал «Междуреченская новелла».

В архиве Чугунова хранится неопубликованный

очерк «Город и люди». Автор с горечью и досадой пишет: «Междуреченску повезло меньше, чем его собратьям Дивногорску, Норильску или Мирному». Город не стал известным: «...в пятидесятые годы уголь неожиданно и резко потерял свою «романтическую» привлекательность. Заговорили о нефти и газе, о полиметаллах, электроэнергии и алмазах».

Образ города написан Чугуновым горделиво и с затаенной поэзией: «Он невелик, вполне игрушечный, втиснутый на равнину между реками Томью и Усой... Чтобы пройти его вдоль, надо тридцать-тридцать пять минут, поперек и того меньше — пятнадцать. Со всех сторон город окружают лобастые горы. С любой горы весь город входит в кинообъектив аппарата».

Могила Виктора Чугунова — на крутом склоне горы. Она открыта ветрам и солнцу. Так же, как был открыт жизни он сам.

...На шахте имени Ленина помнили Чугунова. Его товарищи, дополняя друг друга, рисовали мне его портрет. В чем-то уже знакомый, в чем-то совсем иной.

Главное, как всегда, уместилось в нескольких фразах.

— Ну что сказать? Любили мы его. Хороший был человек, хороший, умный инженер. Рационализатор. В 1971 году стал ударником коммунистического труда.

Помнились детали. Порой забавные. Чугунов ввел соревнование по шашкам среди инженерно-технических работников. Предложил и шуточный приз — кастрюлю сметаны...

Человек идет по жизни незаметно. Это потом становятся очевидными перемены в нем, вехи его пути. Сергей Кириллович Проскурин, секретарь Междуреченского горкома партии, вспоминал Чугунова, оглядыва-

ясь назад — в его и свою юность. Они вместе учились в Сибирском металлургическом институте (Чугунов был двумя курсами старше), потом работали на одной шахте...

Воспоминания порой похожи на старые фотографии.

Вот парень в танцевальном зале горняцкого общежития. В сатиновых брюках, с баяном. Улыбка весь вечер не сходит с лица.

А вот молодой специалист на шахте. Проскурина поразило в нем сочетание аналитического ума, насмешливого языка и глубокой внутренней интеллигентности, душевной мягкости.

Шли годы. Характер человека все более выявлял свою сущность. На первый план выходила его прямота. И рабочим, и начальству говорил в лицо все, что думал. Не любил карьеристов. Буквально ненавидел приверженцев шаблона. И они, эти люди, относились к Чугунову неприязненно, чувствуя «другую породу».

Чугунов стал потом заместителем начальника участка буровзрывных работ. Дело требовало большого опыта, серьезных знаний. И спокойной уверенности, какого-то особого шахтерского чутья. Оказалось, все это у Чугунова было.

...Как многие, он еще в школе стал писать стихи. Некоторые из них сохранились. В них радостное постижение мира, томительное предощущение большой жизни, любви. Стихи Чугунов писал и после, в течение многих лет — в те светлые моменты, когда душа тянется к поэзии и говорит стихами. Никогда их не публиковал, только по рассказам Чугунова среди действительно народных частушек обильно рассыпаны и частушки, сочиненные им самим.

Критика в творческой судьбе Виктора Чугунова...
Особая, не слишком радостная тема в рассказе о его жизни.

И я не первый задумываюсь над этим. Прочитую заметки товарища Чугунова по Кемеровской писательской организации Владимира Мазаева:

«...Чем своеобразней талант, тем ревностней мы беремся учить его — до полной потери им своеобразия. Учить стереотипно, тыча в труды классиков, в окаменелые литературные каноны. И, конечно, из самых лучших побуждений... В какого «непохожего» прозаика вырастал Виктор Чугунов! И от каких педагогов-глянцевателей приходилось защищать ему эту свою непохожесть»¹.

Это тоже по-своему интересно — читать письма, присланные Чугунову из различных редакций и издательств. Многие из них с отказами печатать произведение или в лучшем случае — с «деликатными» просьбами автору: «смягчить», «высветлить», исправить. Письма бережно сохранялись Чугуновым, в хронологической последовательности клались в папку. Зачем? Может быть, он сам думал об уроках и перипетиях своей судьбы...

О рассказе «Гетера»:

«...все в нем, начиная от названия («Гетера»!) и кончая ситуацией и выразительными средствами, кажется взятым напрокат из какого-нибудь дореволюционного журнала «Нива» или романов Вербицкой и Чарской, которые славились своим умением «выжать слезу» у читательниц во что бы то ни стало, даже если сюжет фальшив и противоречит здравому смыслу».

О повести «Таежина», напечатанной в журнале

---

¹ В. Мазаев. Трудности дебюта.—Кузбасс, 1976, 1 декабря.

«Молодая гвардия», а потом переведенной в ГДР:

«И на этот раз порадовать Вас не можем. Сюжет, построенный на том, как деревенская девушка, «дитя природы», натура сильная и самобытная, вдруг дарит свое чувство «горожанину», а он не способен оценить этот дар, и, вспыхнув, тут же гаснет — имеет давнюю литературную историю».

О рукописи сборника рассказов:

«Основная беда рукописи — что ни герой — то негатив». Редактор предлагает автору прислать что-нибудь еще, уговаривает: «Только, ради бога, не мрачное бы...»

В этих (вовсе не самых суровых) письмах примечательно полное игнорирование авторского замысла, вера в собственную — редакторскую — непогрешимость и наивно-циничное убеждение: ради того, чтобы произведение было напечатано, писатель вполне может попробовать по-другому взглянуть на мир... Чугунов, как ребенок, радовался любой публикации. Но как раз потому, что удивленно и восторженно узнавал себя, свои мысли в ушедшем к людям, уже отчужденном печатном тексте. Кривить же душой он не мог.

Не обошла Чугунова и печатная критика. Он был и замечен, и «отмечен». Порой даже с восторженными интонациями. Но, читая сегодня эти рецензии, поражаешься одному обстоятельству. Во многих из них первая, хвалебная часть едва ли не полностью противоречит другой — отрицающей. А главное — рецензенты опять-таки словно бы вовсе не замечают подлинной самобытности таланта Виктора Чугунова. Характерен такой отзыв о рассказе «Полметра до катастрофы» — отзыв рецензента, вовсе не сомневающегося в наличии у автора писательского дарования: «Рассказ с полным основанием можно было назвать оригинальным, если бы он не нес в себе элементов

подражательства. А они есть. И хотя подражает автор большому таланту — Сергею Антонову, — это не спасает его от критики. Ведь это не его, В. Чугунова, открытие — герой, ослепленный любовью и страстью, способен дойти до мысли о преступлении».

Здесь все не так. Допустим даже, что Чугунов не открыл своего героя (хотя рассказ привлекает именно первородством характеров и ситуаций). Но причем тут С. Антонов? Сказалась, видимо, странная подозрительность рецензента: неспроста, мол, известный прозаик так горячо поддержал никому не известного автора! А герой, «ослепленный страстью», появился в литературе много веков назад; сравнительно недавно о нем писал Достоевский, гораздо раньше — древние греки.

Между тем Чугунов вовсе не был глух к критике. По натуре своей он был мягок, открыт чужим мнениям, очень серьезно прислушивался к ним. Писатель Олег Павловский, впервые встретивший Чугунова в марте 1962 года на собрании литобъединения при редакции Междуреченской городской газеты, запомнил «среднего роста, коренастого, ничем особо не примечательного паренька», который «читал монотонным, без выражения голосом свои первые рассказы». Они, вспоминает О. Павловский, «показались нам очень слабыми, несовершенными. И немало услышал в тот вечер Виктор критических замечаний в свой адрес, замечаний вполне справедливых, доброжелательных. Воспринял он их, на мой взгляд, без какой бы то ни было обиды на товарищей».

Читая его дневник, я увидел: литературная позиция Чугунова была продуманной, выстраданной, а потому не зависящей от меняющихся «точек зрения» случайных рецензентов. Потому была и вера в себя, свое призвание. Типична запись дневника В. Чугунова от 25 января 1968 года, когда, получив из одной редакции «разносное» письмо, он удивляется самому

себе: «...Принял все странно спокойно, будто знаю — никто так не напишет, как я написал».

Подобно всякому нравственно здоровому человеку, он был добр; в критикующих видел живых людей, умел различать мотивы критики. На резкие суждения своих коллег-писателей не обижался (к тому же и сам в оценках чужих произведений бывал порой категоричен, размахист). В 1966 году Виктор Чугунов пишет жене после обсуждения в Кемерове, в отделении Союза писателей, его рассказов: «Сейчас я все обстоятельно обдумал и пришел к мнению, что много было сказано в мой адрес сверх меры. К сожалению, наш народ неводержан. Для себя я решил только одно: работать! И работать честно! И еще работать много!»

«Работать!» — это был его неизменный ответ на критику, невзгоды. Ответ, который полностью примирил Чугунова с «бегущим днем».

...Он был предан шахте и, естественно, писал о шахтерах. Писал, думая не о конъюнктуре — думая о людях и проблемах бытия. Он показывал и поэзию шахтерского труда, но только видел эту поэзию не в «парадно»-красивых кадрах заезжего кинооператора; видел: эта поэзия «настоена» на тяжелой, все еще тяжелой работе.

Такая поэзия есть в рассказе «За черными розами». Уже в названии — метафора. Черными розами называет уголь сын одного из персонажей; ради черных роз он, как, может быть, и сам Чугунов, пошел учиться на горняка.

Читатель застаёт персонажей рассказа, когда они, выражаясь профессиональным языком, «салят лаву». Сложный производственный процесс, который на этот раз не во всем протекает удачно; герои даже рискуют жизнью. Однако прозаик уходит от соблазна «обост-

ритель» действие — он обходится без аварий, которые так любят авторы, рассказывающие о производстве... В. Чугунов принципиально показывает будни. И людские характеры он выявляет совсем по-другому. Мы многое узнаем о героях по тому, как слушают они в забое «тонкий» звон земли, как шутят, о чем не договаривают... Вот, например, начальник смены — цыган по национальности — вдруг рассказывает молодому горному мастеру обычную и странную историю своей жизни. Рассказывает торопливо, будто боясь опоздать. Тот внимательно слушает и вдруг понимает: начальник смены говорит для того, чтобы не уснуть — он уже сутки не выходил из шахты.

Из этих противоречивых, внезапных, по-настоящему жизненных деталей и рождалась проза Чугунова.

...А больше всего, действительно, спорили о рассказе «Полметра до катастрофы».

В самом деле, есть в нем и нечто горькое, и одновременно загадочное. Почему читать его трудно, почти физически неудобно, что ли? Может, из-за отсутствия того, что, по нашим читательским представлениям, непременно должно быть в художественной литературе? Восторжествовавшей справедливости. Героя, который обязательно находит свой путь в жизни... Наверное, потому при чтении рассказа наше нравственное чувство столь часто бунтует.

Не может не бунтовать! Автор, кажется, погружает нас в стихию человеческого одиночества, бессилия личности перед обстоятельствами, в стихию жестокости и непонимания одних людей другими. Вот молодой герой техник Володя растерялся, не в силах ликвидировать простейшую аварию. А бригада шахтеров смотрит на него насмешливо, заранее ожидая провала.

Героя перевели в такелажники, и никто не помог ему, не сказал просто доброго слова. Володя на глазах у всех спивается, и это опять-таки всем безразлично. Молодой жене героя объясняется в любви его враг; при этом мужа попросту выставили за дверь, и жена «немо, безжалостно следила за тем, как выпроваживали ее мужа...» Герой кругом терпит поражение. Даже тогда, когда, отчаявшись, хочет убить своего обидчика...

Не будем спешить обвинять автора в очернении действительности, в пессимизме и других смертных грехах. Лучше еще раз перечитаем «Полметра до катастрофы». Это тем более полезно, что при всей внешней странности, даже алогичности, рассказ типичен для Виктора Чугунова. В нем — приметы всего художественного мира писателя. Здесь определена и основная его тема, выведен на авансцену главный герой. От рассказа «Полметра до катастрофы» тянутся ниточки ко всем — как опубликованным, так и только задуманным — произведениям Чугунова.

И жизненная философия автора, его собственные человеческие устремления даны здесь с резкостью исповеди.

Многое откроется нам в этом рассказе, если вспомнить: он написан в середине 60-х годов. В литературе уже доживали свои последние дни «звездные мальчики», уже становились явственными «блеск и нищета» молодежной, «исповедальной» прозы. В рассказе «Полметра до катастрофы» содержится страстная, даже злая полемика с этой прозой. Poleмика убедительная: главный аргумент Чугунова, как мы еще увидим, — живая человеческая жизнь. А то, что спор был сознательным, доказывает документ из архива Чугунова — его неопубликованная рецензия на повесть В. Шугаева «Бегу и возвращаюсь», написанная в качестве контрольной работы студента Литин-

ститута. Автор статьи задумывается над однообразным потоком книг-близнецов «о молодежи и для молодежи». Он иронизирует над героями — «стандартными, если не скандальными», «с бородами и без бород, с твистами и ча-ча-ча, с чужими и своими женами, громкими, но инфантильными...» Чугунов не идеализирует повесть Шугаева. Но как ценно для рецензента то, что повесть эта «проста, жизненна». В ней «нет придуманных велеречивых концепций, нет «блестящих современников», в труде познающих жизнь. Есть сама жизнь, далекая, восточная, в кирзовых сапогах, но не «лечащая», а сама требующая лечения».

Рассказ «Полметра до катастрофы» и выстроен как противопоставление двух жизненных миров: жизни подлинной, в грубых кирзовых сапогах, и жизни мнимой — из красивой книжки.

Мир, в котором существует герой рассказа Володя Сергеев, удивительно напоминает микроклимат молодежной прозы. Володю отправили в Сибирь по распределению; здесь он элегически вспоминает то, что ушло для него в прошлое:

«Мне вспомнился техникум. Борька Сазонов — улыбочка. Он растил рыжую бороду, купил желтый свитер, форсил — мать моя родная! Или Славка Роджерс — гигант, морской волк. А Фазалов? Это же ум! Библиотека!

А Юнка? Красивая, как Венера! Если бы ее направили на международный фестиваль молодежи и студентов, она бы привезла корону самой красивой девушки мира».

Чугунов «воскрешает» молодежную прозу, придерживаясь ее эстетики — точно, кажется, ничего не утрируя. То, что для автора пародия, для героя — реальность. Сейчас герой, как и положено ему, «входит в жизнь». Жизнь, естественно, полна трудностей.

Где-то далеко-далеко желтые свитера, «девочки из сказки». А здесь «только тайга и небо. Баня, сегодня мужская, завтра женская»...

Чугунов ставит героя в типичные «предлагаемые обстоятельства» молодежной прозы. И сразу выявляет легковесность, социальную и психологическую неправду такой позиции.

Ах, как было бы просто, если бы все несовершенства бытия свелись к тому, что нашему мальчику приходится топтать по грязи и петь свои песенки в бараке-ресторане. Трудность в том, что герой потерял «мир, в котором... когда-то жил, который нравился... и который делал... счастливым». Герой растерян. По роли ему полагается «преодолевать трудности»; но как их преодолевать, если оказалось: в реальном мире «нет ни одного порядочного человека».

Крушение? Да, крушение! Чугунов последовательно проводит Володю Сергеева через все круги «ада», которым теперь представляется восторженному юноше действительность. Писатель не упускает ни одной детали этого «приобщения» к жизни. Не прибегает он и к спасительному сюжетному повороту, когда конфликт может легко и просто разрешить «справедливый начальник» или «добрый старший друг». Кажется, он хорошо помнит тот горький упрек, который в черновике сам вложил в уста одному из героев: «У теперешних писателей все одно и то же, что ни возьми: сначала будто правда, а под конец обязательно приукрасят... Зачем читать...»

Автор строг в своем утверждении жизненной и художественной правды. У читателя же возникает вопрос: неужто и в самом деле жизнь так беспросветно темна, а окружавшие героя рассказа люди столь поголовно плохи?

Как ни странно, чтобы ответить на этот вопрос, надо задуматься не о мироощущении, но о мастерстве

писателя — о приемах его психологического реализма, о его путях к художественному постижению действительности.

В рассказе «Полметра до катастрофы» нельзя отождествлять позицию автора с позицией героя-рассказчика. Даже если перед нами главный герой и автор относится к нему с явной симпатией.

Чугунов любит своего Володю Сергеева, но не может не признать: он из тех героев, «которые воинственно прыгают перед стеной жизни, бьют себя в грудь, раливаются эмоциональными внутренними монологами или... плачут, когда у них отняли любимых, или хамят, но не подымутся на эту стену, подставив лестницу, и не достроят ее из нового современного материала». Прозаик написал это в той же рецензии на книгу В. Шугаева. Но точнее о герое «Полметра до катастрофы» не скажешь. В самом же рассказе есть эпизод: Володя Сергеев во сне бьет своего обидчика. И одерживает победу. Только во сне.. Об этом рассказано и с приглушенной, сдержанной жалостью к герою, и с язвительной улыбкой.

Как всякое мастерство, мастерство писателя сложно; часто оно складывается из отступления от обычных художественных приемов. Один из старейших сибирских критиков, доброжелательно и серьезно отнесшийся к творчеству Чугунова, упрекнул писателя в том, что образ Лебедева, главного врага Володи, остался в рассказе непрописанным, нераскрытым¹. Это так. Но тем не менее это не повод для упреков — скорее повод для раздумий о художественной системе автора. Кстати, критик мог бы добавить: и «Юнка, красавица Юнка», тоже остается в рассказе во

---

¹ А. Ф. Абрамович. Романтика мужества. Очерки творчества кузбасских писателей. Кемеровское кн. изд., 1975, с. 87—88.

многим «вещью в себе». В ее портрете, сделанном Чугуновым, — несколько резких, внешних штрихов. Мы узнаем, что Юнка стремительно, легко приехала к Володе в Сибирь, а потом столь же легко покинула его; у Юнки такой взгляд, что у Володи «перехватывало дыхание», и еще «набухшие, усталые» от поцелуев губы. Юнка восхищается Сибирью, а в ДК художественная самодеятельность исполняет сочиненную ею сонату с поэтичным названием «Сибириада»... Вот, пожалуй, и все. Не слишком ли мало этого для героини художественного произведения?

Но в искусстве гармония рождается по-разному. И различные внутренние законы лежат в основе различных художественных структур. То, что показалось критику недостатком «Полметра до катастрофы», было проявлением художественного такта; скажем больше — было определенной смелостью молодого писателя. Он создает не многостороннее, объективное повествование. Замысел автора таков, что читатель видит Лебедева, Юнку да и весь мир глазами Володи. То есть глазами, с которых все еще не слетели романтически-прекраснодушные шоры. Столкнувшись с реальной жизнью, Володя «слепнет», ничего не может понять. Если бы характеры Лебедева и Юнки были прояснены, все «стало бы на свои места», только задача автора была бы не выполнена. А задача эта состоит и в том, чтобы заставить читателя задуматься: почему во время чтения возникает ощущение боли, безысходности? Почему местами история Володи Сергеева кажется страшной?

Одна-две фразы в искусстве способны изменить весь смысл произведения. На последние фразы этого рассказа не сразу обращаешь внимание. Но они-то и служат писателю сильным финальным аккордом. По воспоминаниям жены Виктора Чугунова, писатель тщательно продумывал, искал эту концовку, перепро-

бывав множество вариантов. В финале рассказа Володя навсегда прощается с иллюзиями, осознает: бесполезно бежать от реальности в выдуманный книжный мирок. «Сломленный, разбитый, я понял, что не могу никуда уйти. Для меня не существовало мира, кроме того, который разбивал меня, чтобы сделать заново»...

Эта тема станет одной из главных в творчестве Чугунова. Тема крушения и возрождения человеческой души. Тема созидания личности на развалинах иллюзий. Причем подчеркнем: личность у Чугунова во многом создает себя сама. Это строительство трудно. Можно подумать вдруг, что Чугунов предлагает в качестве идеала своеобразный тип супермена, сильной личности. Это не так. Просто автор и здесь напоминает: жизнь ломает любые схемы, смеется над псевдоромантическими мечтаниями. Все герои Чугунова проходят эту закалку. В том, чтобы понять суровую жизнь и строить ее, они видят подлинную романтику.

Итак, мир разрушает героев, а потом создает заново. Мы снова убедимся в этом, когда встретим Володю Сергеева в других рассказах — под другими именами. Нет, он не стал циничным, злым, не ожесточился. Он стал сильным, выстрадал свое право на счастье. Он защищен от ударов судьбы тем, что открыл для себя: нужно стать «обыкновенным», таким, как все. Нужно слиться с потоком жизни, принимая и радости, и горе, вечную их череду. Нужно без громких слов делать свое дело. И не бежать от борьбы с подлостью и злом. Тогда ты выдержишь. И пойдешь дальше. «Трудно быть обыкновенным» — не без вызова назвал Чугунов один из рассказов, где сформулировал жизненное правило своих героев.

В повести «Рубиновый материк» («Огни Кузбасса», 1972, № 3) герой — Александр Родионов — проходит этот путь полностью, от начала до конца. В по-

вести есть детство в шахтерском поселке — обычное детство, так быстро промелькнувшее, что иногда сомневаешься: было оно или нет? Есть первая, ранняя, странная и страстная любовь Саши к соседской девочке — Галке Бубновой. Есть первая, острая, тяжкая, вовсе не обосновательная ревность подростка. Есть первое, болезненно перенесенное Родионовым предательство: Галка выходит замуж без любви; расчетливо планируя вырваться с помощью замужества из мира маленького поселка в другой, большой, мир. Есть первое унижение: любимая девушка воровски предлагает себя Саше в день свадьбы с другим...

Так — похищением любимой — начинается повесть. В этом повороте сюжета нет ничего неожиданного для читателей Чугунова. Перед нами грустная коллизия, которая типична в его произведениях. Интересно и по-своему ново развитие коллизии. Отправившись в жизненное плавание, герой возвратился после к родному дому. Каким возвратился? Зачем? Чугунов задумался над редким в современной литературе конфликтом, который любил разрабатывать Достоевский: спасение ближнего своего, спасение несчастной, падшей женщины.

Ничто не проходит для человека бесследно, уверен Виктор Чугунов. И удар, который нанесла когда-то Галина Бубнова своей любви, возвратился теперь по закону бумеранга к ней самой. Родионов находит Галку униженной, раздавленной обстоятельствами и собственным легкомыслием. О ней ходит по городу грязная, но, увы, справедливая молва.

Герои Чугунова открывают для себя то, что до них давно уже открыли люди: и поруганная любовь все равно остается любовью. И надо сберечь хотя бы ее. К постаревшему Саше Родионову по-прежнему приходит в снах Галка. И он узнает горькую радость прощения.

Человек обретает счастье. Не слишком ли долг был его путь к гармонии? Виктор Чугунов знал: гармония в двадцатом веке — это не розовый сон, не волшебная сказка. Может быть, это сам путь человека к согласию со своей душой.

...Кстати, в жизни Чугунова был случай, схожий с тем, что описан в рассказе «Полметра до катастрофы». Вскоре после окончания института его, горного инженера, перевели на два месяца в забойщики. Причина? Излишняя доверчивость, наивность молодого руководителя.

Боюсь неточности. На шахте этот эпизод мало кто сейчас помнит. Прочитую очерк В. Козько, опубликованный 28 марта 1968 г. в газете «Комсомолец Кузбасса». Редакция решила тогда рассказать о детстве Горького — Литературном институте его имени. И один студент-заочник Литинститута — Виктор Козько — написал о другом, Викторе Чугунове.

Перед нами, в сущности, документ. Наверняка сам Чугунов поведал товарищу о своих, давних уже, ошибках, о том, что едва не стало для него катастрофой:

«Как-то не было порожняка, и Чугунов послал забойщиков стелить конвейер.

— Что платить будешь? — сразу потребовал бригадир Вовка Гусев.

— Не обижу.

— Наша цена 400 рублей...

Откуда было знать молодому горному мастеру, что цена этой работе 50—60 рублей? Он заплатил. Проходчикам при нарезке новой выработки встретилось нарушение — жупол. И опять «плати». И он платил за несуществующие уходы, за липовые тонны угля».

Есть в очерке эпизод, в котором зримо проглядывается драматизм «живой жизни»:

«— Ну, как работнул сегодня? — Степан Данилович Жутник, первый начальник Чугунова, тяжелым взглядом пригвоздил горного мастера к скамейке. — Сколько нагрузил? Два, три плана дал?»

Жутник обычно немногословен. Сам из рабочих. Человек необыкновенной физической силы, угольным рекордам которого «История Великой Отечественной войны» посвятила одну из своих страниц, он привык, чтобы его понимали по взгляду. С первых слов понял его и Виктор. Его смена опять, в который раз, сработала почти впустую. Вроде бы крутились все восемь часов. Но обороты эти были холостыми: один ломал, другой исправлял. У горного мастера верного глаза на все это еще не было.

— У меня тут не детский сад. Иди, поработай проходчиком, забойщиком. Бери уходы, бери уголь, бери все лучшее у людей. Бери и помни.

И Виктор Чугунов ушел в забой проходчиком. В те дни это-то и показалось ему катастрофой».

Так он начинал в шахте. Мы помним, что было потом.

...Константин Яковлевич Тихонов рассказывал о Чугунове целый вечер. Они работали на одном — десятом — участке: Тихонов начальником, Чугунов — заместителем. Жили в одном подъезде. В течение многих лет виделись, как правило, ежедневно. Чугунов посвятил Константину Яковлевичу рассказ «За черными розами». Художественное произведение не фотография. Тем не менее биография героя рассказа Медведева очень похожа на биографию Тихонова, а в Крестьянинове, шутнике и балагуре, есть некоторые черты Чугунова. Константин Яковлевич в ту пору

писал стихи, некоторые из них нравились Чугунову, одну строфу (о «старом битом воине») он любил повторять и даже включил в тот рассказ. А работали? «Хорошо сработались! Начинали — участок был отстающим, потом вышли вперед».

На шахте мало кто знал, что он печатается в журналах, что выходят у него книги. Когда местная газета напечатала его портрет и заметку: в Междуреченске появился свой член Союза писателей, — многие поражались: «Витька-то! Чугунов! Ну и ну...»

В беседах на шахте неожиданно открылся еще один незаурядный талант Чугунова — талант слушателя. Многие шахтеры любили подолгу говорить с ним; точнее — говорили в основном сами, Чугунов лишь задавал вопросы. Он умел стать на позицию собеседника, полностью, искренне «вживаясь» в чужую жизнь. Кто-то вспомнил: однажды Виктор Александрович встретился у друзей с набожной старушкой; проговорил с ней весь вечер, а на завтра напросился к старушке в гости. Да, его притягивали к себе разные люди. В одной из комнат собственной квартиры Чугунов поставил настоящий бильярдный стол. Уходил на работу, приходили соседи, играли. Чугунов был рад, возвращаясь домой, заставить здесь друзей.

Кто-то недоумевал, кто-то смеялся над ним. Но все это вытекало из общественной природы его характера. Чугунов не случайно так любил субботники, воскресники. Он написал об этом в рассказе «Буховцев». О том, как сближает людей общая, совсем простая работа. О том, как невзначай люди открываются друг другу.

Николай Илларионович Большанин, инженер шахты «Распадская», вспомнил, как они садили во дво-

ре березы. Работы было много, никто не ушел домой, закончили под утро. И прямо там, во дворе, соорудив стол, за которым потом нередко сживали, выпили. Потом наступил новый день. Чугунов взял в руки аккордеон, из домов выходили люди, подтягивали песню. «На стенах домов лежала блеклая голубизна. И все было так замечательно в этом мире, что, казалось, ничего подобного еще не было. Даже заросли колючего боярка с пурпурными цветами вдоль забора детского сада были необыкновенно прекрасны». Это из рассказа «Буховцев».

А те березы сейчас большие, я тоже сидел в их тени. Дерево живет дольше человека...

В 1970 году он закончил заочно Литинститут. Однако его профессиональная учеба писателя вовсе не была ограничена рамками этого вуза.

Очень рано Чугунов понял многие особенности, своеобразные внутренние законы литературной работы, которые неизбежно постигают художники слова. Но иные приходят к этим законам поздно, иногда — в результате горького опыта. Чугунов, в частности, понял: писательство немыслимо без эксперимента, поиска — иначе мастерство мертвеет, прием становится штампом, автор начинает бесконечно повторяться.

«Писатель как художник, должен писать этюды», — заметил он в дневнике. Именно так — как своеобразный тренаж — воспринимаются некоторые материалы архива Чугунова. Вот детектив «Городские лианы». Автор писал эту повесть, явно думая о возможностях сюжета, которыми современные прозаики нередко пренебрегают, — справедливо, но односторонне веря лишь в образность и пластику слова. В «Городских лианах» сюжет подчеркнуто выходит на первый план. Подчеркнутость сказывается даже в наро-

чито детективным начале повести: «Это случилось в конце октября 195... года в ветреный хмурый день, когда с тополей срывалась листва и улицы были застланы ею так плотно, что нельзя было разобрать, где проходит шоссе, а где начинаются газоны...»

Жизнь города Жгутова демонстративно ограничена здесь расследованием дела об ограблении госбанка, кругом лиц, который выхватывает «луч» следователя. Чугунов учитывает опыт лучших мастеров детектива, не скрывая этого. В его повести есть очень логичные, но заведомо ложные сюжетные ходы, есть детали, о которых может раздумывать читатель, тренируя свое аналитическое мышление; есть, наконец, совсем неожиданная развязка...

Автор не предлагал «Городские лианы» редакциям, не считая повесть законченной, а потому и не до конца отделил ее стилистически. Однако произведение все-таки состоялось. Его конструкция полностью определена решением сложной задачи, которая стоит перед следствием, писатель ни на шаг не отступает в сторону. Но происходит парадокс, который давно обозначили исследователи сюжета и на который, безусловно, рассчитывал Чугунов: строгий сюжет «дарит» читателю многие психологические открытия. Например, открывает многообразие характеров, интересный, полный своих рифов и гаваней жизненный уклад маленького провинциального городка.

С той же целью, конечно, Чугунов увлекался переводом. В течение многих месяцев он переводил произведения, опубликованные в немецких газетах. И к этому делу (как ко всему, за что брался) относился серьезно и азартно — одновременно. Размышляя о причинах этого увлечения прозаика, можно провести интересную параллель. Автор знаменитых «Партизанских повестей» Всеволод Иванов с юности и до конца жизни переписывал от руки Толстого, Чехова,

Флобера. Во время такой переписки, как и в процессе перевода произведения с одного языка на другой, очевидным становится то, «как сделана вещь» — открываются ее жанровые законы, ритмическая система, приемы «сцепления образов».

Занимаясь переводом, Чугунов преследовал и еще одну цель: совершенствовал свое знание языков. Он хорошо владел немецким, изучал английский, мечтал выучить французский...

Поиск писателя сказывался и в другом. Чугунов справедливо считал: он не может ограничиваться одним жанром, должен попробовать возможности своего таланта в разных жанровых координатах. Поэтому-то, «освоив» рассказ, начинает создавать повести и романы. Будем честны перед его памятью: вряд ли эти «крупные» жанры соответствовали особенностям его дарования... Но сейчас подчеркнем главное: энергию движения писателя по жизни.

Мы сидели с друзьями Чугунова и вспоминали их юность. Вспомнили и мечту — наивную, однако когда-то завладевшую ими всеми: уехать вместе жить в деревню. Чугунов загорелся, агитировал остальных. Конечно, никуда они не поехали.

Свою мечту о земле, на которой можно жить просто и весело, он частично осуществил, когда строил дачу. Строил сам! Начиная с чертежа и кончая столлярными работами. Дача одновременно походила на теремок из детской сказки и мечту взрослого человека, собравшегося жить здесь долго, счастливо, удобно. Чугунов выкорчевал на участке пни, посадил елочки, рябину, калину, черемуху, привез песок — хотел, как в детстве, ходить на даче босиком. Дом имел длинную — «прибалтийскую», до самой земли — крышу. На веранде висело огромное «солнце»: Виктор Александрович разрубил круглый обеденный стол, сделал в столешнице большие «лучи». Всему этому

он радовался, как ребенок. Сидел на втором этаже с блокнотом и счастливо смотрел вдаль.

«Вечно у него не как у людей», — возмущался председатель кооператива. «А может быть, у людей должно быть именно так?» — спокойно отвечал на это Чугунов.

Дмитрий Филиппович Меньшиков, его друг и сосед по даче, рассказывал мне с удивлением: «Рядом река... Ходили туда часто... Рыбу ловили редко. Все больше разговаривали».

Чугунов часто думал и много писал о самом сокровенном в отношениях людей. Любовь есть во всех — или почти во всех — его произведениях. Но любовь здесь редко бывает счастливой. Даже если рассказ и завершает «счастливый конец». Герои Чугунова — мужчины и женщины — мучаются, страдают: страсть часто ломает человеческие судьбы, деформирует личность, разрушает семьи, приносит горе. Нравственное чувство автора сказывается в рассказах очень четко. Но позиция Виктора Чугунова не прямолинейна. Он стремится показать нам сложность жизни человеческого сердца. В низком, едва ли не низменном, вдруг открывает высокое, в, казалось бы, бездуховном — трепещущую, пусть и заблудшую, душу.

Как понять, например, расказ «Гетера», как оправдать поведение героини — кондуктора автобуса Любки? Это наглая, циничная хищница, знающая неотвратимую силу своей женской красоты; уверенная: рано или поздно человек забывает про стыд... Любка отбивает мужа у больной, поистине несчастной женщины. Она ждет смерти соперницы, не сомневаясь: Петру от нее не уйти. Она жестока; жена Петра, собрав последние силы, придет к Любке, робко попро-

сит: «Запретите к вам Петру ходить, а?.. Уж умру, потом...» Любка же только спросит безжалостно: «Вы меня за дуру принимаете?.. Я же тоже счастья ищу...»

Нет, автор даже не пробует вызвать у читателя сострадание к Любке. Он просто напоминает: и у этой, всеми справедливо презираемой женщины, живет в сердце любовь — Петр; и у нее есть своя затаенная мечта: увезти Петра домой, к матери; есть свои одинокие сны: «...на перилах балкона сидел воробей и кричал: «Все зря, все зря...»

Любовь и долг, любовь и время, цена любви... Виктор Чугунов решает эти «вечные» вопросы не абстрактно — не отвлекаясь от конкретных человеческих судеб. Особая сила многих его рассказов в том, что автор берет набившие оскомину ситуации и на дне их усматривает единичное, особенное. По-настоящему трагичными оказываются у Чугунова старые, банальные ситуации пошлого, «с бородой», анекдота: муж изменил жене, жена выбрала в любовники друга мужа...

Как мы помним, когда-то эта тема оказалась трудной для писателя. Но вот минули годы...

К любви герои Чугунова неизменно идут, ломая себя. Через одиночество, душевные муки проходит учительница Людмила Петровна из «Междуреченской новеллы». Это она любит друга своего мужа. Она сама не раз произнесет резкое слово «предательство» — ведь муж служит в армии. Но любовь оказывается не только мукой, но и счастьем, но и неизбежностью, и непререкаемым нравственным правилом. И читатель забывает про анекдот: в анекдоте любовь отсутствует.

Все новых и новых своих героев Виктор Чугунов проводит через традиционное в русской литературе испытание — любовь. В любви человек выявляет себя до конца, открывает свой нравственный потенциал.

Вагон поезда, ночное купе соединяют ненадолго инженера лесхоза Емельянова и журналистку Нину Васильевну. Герои рассказа «Темный бор, тайга густая» расстаются, но не могут забыть друг друга, не выдерживают разлуки; Емельянов приезжает в Москву, находит свою любовь в шумной столичной редакции, бродит с ней по улицам, потом идет домой к Нине Васильевне и знакомится с ее мужем. Он остается здесь ночевать, ночью в его комнату приходит любимая...

Увы, ситуация только изначально напоминает «Даму с собачкой». Мало чем похожа на Анну Сергеевну героиня; для нее встреча с Емельяновым — лишь заманчивое приключение с «лесным человеком». Герой рассказа понимает: «его ожидает мучительная и жалкая страстишка сегодня, завтра, может быть, год-другой, и — ничего больше». И он уезжает назад, в тайгу. Уезжает, потому что не может лгать. Не может предать любовь.

Однако неожиданна и примечательна концовка рассказа. Вернувшись в тайгу, уйдя с головой в дела, Емельянов тоскует, не находит себе места, начинает оправдывать Нину Васильевну и придумывает предлог вновь поехать в Москву.

Так возникает у Чугунова мысль о святости любой любви — первой, жданной и — случайной, вдруг пересекшей твою судьбу; верной и неверной; тем более — счастливой и несчастной...

Почему же, однако, «любовный треугольник» в произведениях Чугунова столь часто оказывается треугольником трагическим? Почему, рассказывая о любви, писатель говорит не только о празднике ее зарождения, но и о буднях, порой не очень красивых? Здесь не может быть сомнений. Такой видел жизнь Чугунов. С возмущением и обидой он заносит в дневник 15 января 1968 года: «Обыватели прочитали

«Рубиновый материк» и осуждают, ссылаясь на то, что развращают молодежь. Глупая несправедливость».

Писатель смеялся над тем, как сентиментально и слащаво показывают любовь в иных книгах. Он слишком уважал это чувство, чтобы прибегать к гриму. Он помнил о том, как в русской литературе писали о любви Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чехов. И многократно перечитывал бунинские «Темные аллеи».

...Нет, конечно же, Чугунов не ждал смерти. Он был счастлив — как может быть счастлив на земле человек. Он узнал и вдохновение творчества, и высокое, не менее редкое вдохновение любви.

Не могу не сказать об этом, но скажу коротко: подробно о своей любви люди имеют право говорить только сами. (Речь, понятно, не о литературе — о жизни).

С женой, Надеждой Алексеевной, Чугунов познакомился, еще учась на третьем курсе института; Надя была студенткой педагогического. Семья доставила Чугунову много радостных минут. По его письмам знаю о том, как не любил он даже ненадолго расставаться с женой и детьми. По рассказам домашних Виктора Александровича представляю, как увлеченно он готовил обеды: иногда — «фантазируя», зачастую — строго руководствуясь поваренной книгой. Он буквально ликовал, когда его мальчишки пошли в школу, сам учил обоих сыновей чтению и письму... В детстве ребята много болели, и отец старался их закалывать. По субботам и воскресеньям всей семьей ходили на лыжах. Потом, весело дурачась, лепили пельмени. Впереди всех был, конечно, отец.

А жене все эти годы посвящал стихи и песни. Не

буду их цитировать: они писались для одного, любимого, человека. Позволю себе лишь в двух словах передать рассказ писателя Валентина Махалова, у которого Чугунов однажды заночевал, будучи в Кемерове (привожу этот рассказ с разрешения Н. А. Чугуновой).

...Поздно ночью Виктор Александрович разбудил своего товарища и, смущаясь, настойчиво попросил срочно заказать Междуреченск. Он говорил долго, сбивчиво, волнуясь, страстно. Он кричал в ночь о счастливой, единственной встрече. Он благодарил любимую уже за то, что она живет на земле...

И еще. Как постскрипtum к этой теме. Несколько строк из письма к Н. А. Чугуновой поэтессы Ларисы Щасной, с которой Чугунов вместе учился в Литинституте: «Он был романтиком, я видела слезы у него на глазах, когда он слушал красивые песни. Он очень возвышенно, по-товарищески умел дружить с женщинами. Для нас — Светланы Мекшен, Нади Тюленевой, меня — он был как брат. И потому еще эта потеря такая большая, такая горькая».

Одну из своих статей Виктор Чугунов назвал, вспомнив любимого им Паустовского, — «Томительный воздух скитаний».

«Воздух скитаний» волновал и его, но волновал по-особому. Чугунов хорошо понимал парадокс путешествий: отправляясь в незнакомые края, человек открывает не только новые города и новых людей, но и собственную душу. «Я люблю дальние поездки, — заметил он однажды, — не только за то, что можно что-то увидеть, но и за то, что во время их хорошо думается».

Наверное, оттого в своих путевых очерках Чугунов часто иронизировал над индустрией туризма —

над дежурными штампами рекламных проспектов, над стереотипными объяснениями экскурсоводов. Эта грустная ирония, даже нескрываемый сарказм неожиданно соединяются в заметках Чугунова с лирическими размышлениями о вечном и странном движении человеческих судеб, движении времени.

В таком непривычном сочленении рождается в очерке самое интересное, привлекательное для читателя — образ автора. Так, например, в иное качество переходит язвительная зарисовка, сделанная Чугуновым в Абхазии. Он наблюдает за экскурсантами, которые «карабкались вверх по склону и... смотрели на море». Слышит, как «пожилой человек в фуражке», показывая «прутом на синюю гладь», монотонно и полувнятно говорит:

«— Сколько чудес и горя видели эти воды? Они качали мужественных греков на их суденышках-триерах. (...). Отсюда, где мы с вами стоим, было видно, как тонули в море турки, персы, англосаксы, немцы и французы. В этом тихом, синем и славном море...»

Но рядом с экскурсантами, которые «осматривали кусты самшита, надеясь увидеть «остатки римских маяков», читатель видит молодого человека, как бы остановившегося посреди исторического времени. В самом деле чувствующего присутствие других, ушедших народов. Задумавшегося: «Мы всегда чего-то ждем от знакомства с неизвестным краем, что-то пытаемся отыскать для себя и других, похожее на откровение или чудо. Что? Трудно ответить однозначно. Многое. Наверное, в каждом из нас сидит Магеллан...»

И вот уже нет торопливой зарисовки, снимка с натуры. Есть хорошая, по-настоящему лирическая проза и в то же время — дневник Виктора Чугунова. Запечатлены мгновения одной человеческой жизни,

запечатлены в их единственности, неповторимости. Писатель «вырывает у времени» мельчайшие, навсегда исчезающие потом подробности бытия. Ощущение этой невозвратности — уже в самой структуре текста, даже в его ритме. «...Я слышу шум знаменитого субтропического дождя, — говорит Виктор Чугунов, — вдыхаю аромат олеандров, насаженных хозяйкой под окнами дома. Когда редеет белая полоса дождя, я вижу множество огней старой Гагры... Как хочется жить, глядя на все это, сделать что-то доброе и полезное!»

Человек уезжает от самого себя и едет к самому себе... Понимая, что этот маршрут главный в его «скитаниях», Чугунов не стремился к внешней экзотике. Напротив, он любил открывать соседние, примелькавшиеся, города, улицы, дороги. Любил стирать с них «случайные черты». Например, нравилось Чугунову ездить на своей машине к родителям в Барнауле. Пугающая, притягивающая к себе тайга, ночные костры, купание в речушках и ручьях, которых нет на карте, полузаброшенные и заросшие травой деревеньки...

Все это я видел на снятых Чугуновым любительских фильмах. Показывал младший его сын — Вадик. Чугунов стремился прежде всего запечатлеть лица жены, детей, родителей. Его собственное лицо — главного оператора и режиссера — появляется в кадре редко.

Оказалось, самые драгоценные кадры — те, где «ест папа».

Междуреченск находится в Горной Шории. Чугунов помнил об этом. Его очень интересовали шорцы. Он записывал шорский фольклор. Одно время начал составлять для себя русско-шорский словарь.

Как болезненно он не переносил фальши! Это была едва ли не главная, заметная всем, черта личности Чугунова. Ничто не могло его заставить назвать белое черным.

Писатель Виктор Козько вспоминает, как Чугунов выступал в Литературном институте на семинарах по современной литературе. Простодушно, не смущаясь, словно сам не понимал, что говорит, он называл абсолютно нехудожественными иные книги, которые в то время попали в литературный «зенит» и которые, кстати, теперь, спустя годы, уже забыты.

Тонко чувствовал Чугунов истинное и ложное в человеке, моментально различал наносное, позу. И не скрывал этого от носителя маски, какой бы «пышной» она ни была. Однажды Чугунов познакомился с маститым писателем. Всем своим видом тот указывал на собственное, особое, место в искусстве и на свою близость «народным истокам». При знакомстве почти продекламировал: «Я живу на Волге...» Чугунов отреагировал немедленно и с виду «кротко»: «Не знаю такой реки». Тот же В. Козько, бывший участником этого разговора, замечает: «Пришлось именитому прозаику доказывать, что Волга впадает в Каспийское море».

И даже то, что большинство из нас считает привычным, само собой разумеющимся, вызывало у Чугунова внутренний протест, угрызения совести, о которых он стеснялся говорить, но которые, может, были тем больнее. Характерны письма Чугунова домой из Москвы, из Литературного института. Простая, знакомая многим ситуация: студент-заочник сдает сессию; обилие предметов, обидный марафон, когда дорогие писательские имена и любимые произведения становятся лишь «материалом» — его надо быстрее «сдать»...

С чувством неловкости Чугунов пишет 16 июня

1965 года жене: «Мне нечем хвастаться... поэтому я не отбил тебе ни одной телеграммы. Сейчас сдал четыре экзамена и все только на четыре. Мне кажется, это плохо. И жизнь еще однообразная, как пустыня: бесконечная читка, когда пытаешься не понять и закрепить на всю жизнь, а только набить голову чужими мыслями, как портфель ненужными бумагами, чтобы через два дня все выбросить и сжечь».

Личный дневник Чугунова — это и своеобразный дневник читателя. Знакомясь с ним, убеждаешься: знания не являлись для Чугунова мертвым грузом, капиталом, который пригодится при случае. Например, он пишет 24 февраля 1968 года: «Изучаю «Эстетические отношения искусства к действительности». Завидная легкость мышления. Рассуждения о том, что есть определенные расхождения в наших мечтах и действительности — близки».

Так же приходил он с годами к русским классикам, к философам и эстетикам древности. Естественно-необходимо нравственные искания людей, живших столетиями раньше, сопрягались у Чугунова с собственным духовным опытом. Одно из своих выступлений перед читателями Чугунов начал с эпатазирующего заявления: «Кто-то увлекается собаками, кто-то женщинами, кто-то литературой». Но литература не была для Чугунова «приятным занятием», развлечением, которое позволял себе разносторонне одаренный горный инженер в свободные от работы в шахте часы.

Как для любого художника, писательство стало и для Чугунова тяжким — на износ, однако необходимым трудом. Этот труд не прекращался, по сути, никогда. Персонажи ненаписанных произведений роились в голове, в воображении, одна за другой «проигрывались» картины и сцены, которые требовали напряжения, нервов, изматывая его неимоверно. Виктор Александрович часто говорил родным, что и во сне продолжает

писать. О том же читаем в его дневнике 1972 года: «Все герои и героини приходят по ночам. Я их хорошо вижу, разговариваю с ними, слышу укоры и жалобы... Но помочь им не могу, потому что от бессонницы болит голова...»

Нет, ни о чем он не жалел: писательство уже стало его главной жизненной страстью. В другой раз Чугунов заметил в дневнике: «Писать хочется, как курить... Если нет блокнота, нет и отдыха».

Замыслы новых вещей рождались постоянно. Эти не оформившиеся и, в основном, не осуществленные замыслы говорят о Чугунове не меньше, чем написанное им. Как во всяких набросках, здесь видится главное: мимолетный, первоначальный, точный, как внезапное прозрение, портрет человека и явления; существеннейшие особенности писательского таланта и особенности осмысления жизненных реалий. Из множества разбросанных по тетрадям Чугунова записей к будущим произведениям процитирую несколько:

«7 февраля 1972 г. «Трамвай», рассказ. Люди вспоминают о прошлом. Им нравится вспоминать прошлое, свое детство, юность. Наше детство и юность прошли на фоне деревенской жизни, с огородами, заборами, собаками, борами и речками. Мы вспоминаем об этом, о патриархальной и полупатриархальной обстановке. А вот некто М. вспоминает иное. Он вспоминает строительство трамвайной линии в городе, потому что его молодость во многом связана с трамваем и с этим строительством».

«Женщина», рассказ. Она молодая, полюбила отца своей подруги, стали мужем и женой; он постарел, она скучает, работает...»

В нескольких строчках Чугунов умел передать драматизм человеческой судьбы. Вот рассказ «Предатель»,

который так и не был завершен, хотя имел несколько вариантов. В рассказе этом живет неопытный жалкий старик, который многие годы добровольно убирает городские улицы. Все у него уже в прошлом — молодость, мечты, даже самое страшное — предательство собственного народа. А в настоящем — холодные улицы, раскаяние, понимание непоправимости своей вины; тяжкое ожидание смерти. Люди уже забыли про то, что совершил старик, многие зовут его к себе в дом. Но он отовсюду уходит, добровольно приняв древний закон: «собаке — собачья смерть...» Целыми днями старик метет улицы. «На его заросшем, страшном лице можно было без труда прочитать: «Какая жизнь! Какая жизнь! Да вы посмотрите сами-то, какая жизнь! Это же замечательнейшая жизнь, удивительнейшая, прекраснейшая! Ваша жизнь!»

...Работа и любовь — по Чугунову, это две неизбежных, «на все времена», темы искусства. Работа и любовь — это была и главная тема его собственного творчества. И он четко сознавал это. Сквозь призму «работы и любви» Чугунов видел и историю человечества, и его будущее дали.

Из дневника:

29 января 1972 года: «Любовь и работа, работа и любовь — это прошлое, настоящее и будущее. Каким будет труд через 200 лет? Как будет счастливым Тургенев 2272 года, который опишет восторженную, мучительную и сладостную любовь к труду!»

Однажды Чугунов задумал повесть «Работа» — в чем-то автобиографическую: «Человек на рабочем месте, инженер. Вызов на работу. Ночь, звезды, тишина. Работа, отдых в мойке. Утро. Обед. Жена на именинах у сестры в другом городе. Ресторан. Девушка Толя. Ночь, один, в окне тусклый свет...»

...А вот записи к повести, названной по необычному прозвищу героини — «Гнягиня»: «История со вре-

мен гражданской войны на Алтае. Ольга и Алексей — оба награждены орденом Красного Знамени. В мирное время он председатель горсовета, она, Княгиня, — заведует детскими садами города. После 1937 года Алексей погибает, Ольга уезжает неизвестно куда, родственники считают ее без вести пропавшей. Она объявляется в шестидесятых годах, когда ее муж реабилитирован, его портрет висит в областном музее, он — герой. Ольга же — заядлая и окостенелая сектантка-баптистка».

Не правда ли, даже эти, торопливые, первичные, записи Чугунова открывают нам писателя, который не боялся трагизма жизни и трепетно ценил правду, какой бы горькой она ни была.

Одна из главных и сокровенных мыслей Чугунова последних лет — это мысль о памяти как о главном достоянии человека, помогающем ему сохранять себя на дорогах времени и нести дальше то, что было выстрадано людьми.

«Бери и помни» назвал он свой последний, незавершенный роман. Он успел написать только первую часть этого большого, сложно задуманного художественного полотна. Рукопись почти в триста машинописных страниц осталась на рабочем столе прозаика. Как его последнее слово.

Действие романа происходит в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Это прошлое, которое еще не стало историей. Но не только потому роман Виктора Чугунова интересен сегодня. Самое главное в нем все-таки не события, а судьбы. Человеческой судьбой автор измеряет время. «Жили-были Зыковы» — написал он на титульном листе первой книги романа. Его Зыковы неподдельно колоритны. Есть в этих характерах жизненная сила, мощь, которая не дает Зыковым согнуться под ветром жизни. Не случайно повествование начинается описанием

смерти Зыкова-старшего, отца главы сегодняшней династии. Тот тоже был шахтером: выжив однажды после смены настойки, выдернул на спор ворота из земли, а ночью умер. Но, может быть, главное в Зыковых — это их совестливость.

Правда живых человеческих судеб — вот нерв романа. У каждого из Зыковых своя драма. Не хочет дряхлеть Федор Кузьмич. Отсюда не только его смешная старикинская заносчивость, но и стремление в шахте ни в чем не уступить сыновьям. Не могут разобрататься в своей любви Ирина и Владимир. Неприкаянно живет балагур и насмешник Андрей. Спокойно и достойно, во всем слушаясь голоса своей души, идет по жизни Илья: шоферит, помогает людям, будучи их депутатом.

В конце первой книги жители шахтерского поселка переселяются в новые благоустроенные дома. Трудно преодолеть инерцию бытия: уходить от хозяйства, огородов, соседей, с которыми в течение десятилетий жили одной большой семьей. Еще труднее преодолеть инерцию чувств, мыслей. Старая, много раз использованная писателями коллизия освещена у Чугунова подлинной жизнью, единственными ее деталями.

В набросках к роману «Бери и помни» есть анкета, на которую отвечает главная героиня. В ответах ясно слышится голос самого Чугунова.

«...Ваше отношение к современности?»

— В любое время надо работать и верить, что завтра будет лучше.

— Сколько лет Вам хотелось бы прожить?

— Все».

Нет, в его жизни была не только работа. Любил Чугунов шумное застолье. И не любил на празднике скучных, будничных лиц — как профессиональный

артист, умел «расшевелить», развеселить почти любого. В компаниях его обычно выбирали «тамадой». Он прекрасно играл на баяне, проникновенно пел, чувствуя душу песен: русские народные, романсы, студенческие, свои собственные... И плясал Чугунов мастерски, самозабвенно. А нередко, удивляя незнакомых людей, делал все это одновременно: играл на баяне, плясал, пел.

Совершенно неистощим был Чугунов в выдумках, причудливых порой шутках. Иные его розыгрыши друзья со смехом вспоминают до сих пор. Вот один, памятный многим, случай, рассказанный Виктором Козько. На сессию в Литинститут Чугунов привез из Сибири огромный запас... обыкновенной свинины. С удовольствием угощал знакомых и незнакомых, радовался чужой радости: медвежатина!..

Откуда бралась эта его безоглядная, заражающая людей веселость?

Наверное, и здесь «виной» всему талант. Не только писательский — человеческий.

В центре внимания Чугунова всегда была неприкаянная, дисгармоничная человеческая душа. Это интересно для читателя, которого неизменно ждут в рассказах Чугунова неожиданности. Это трудно для автора, выстраивающего психологическую инструментовку событий.

И в незавершенных рукописях Чугунова зачастую возникает та же тема — тема людей, которые наугад идут по жизни, «толкаются о житейские стены».

Думаю о повести «Прости меня завтра». Это конспект большой, сложной, резко непривычной для нашего читательского опыта вещи. О чем она? Односложно ответить трудно. Можно ответить так: о психологических последствиях войны; последствиях, не

слишком типичных, характерных, а потому малоисследованных в искусстве.

Хотя начало повести привычно. Возвращается с фронта двадцатитрехлетний комбат Антон Сорокин. Возвращается в маленький городок, где все его знают и он знает всех. Долго колобродит праздник, льется вино, текут воспоминания о пережитом. Потом приходят будни — о них повесть. Юный офицер «с прокопченным лицом и седыми висками» привык командовать сотнями людей, привык распоряжаться их судьбами: он никогда не думал о своей послевоенной судьбе. Он ждет руководящей должности. Такой должности нет? Обида застилает глаза: «...А в армии как говорили? Встретят вас, герои-командиры, с распростертыми руками, качать будут... Все дороги...»

Дорога Антона становится извилистой и страшной тропкой; человеческий характер ломается: все лучшее исчезает, остается плохое, темное; человек гибнет как личность, падение его все стремительнее. Пьянство, спекуляция, смертельная обида, нанесенная любимой женщине, — обида, которая в самом деле ведет к ее смерти... Есть здесь опять-таки что-то от ситуаций Достоевского. Он любил испытывать героев жестоко, кажется, на самом пределе возможностей души. Безусловно, здесь есть и правда: сознание иных людей было трагически деформировано войной, им было трудно перестроиться, найти себя в мирные дни. Только задаешься вопросом: как автор повести узнал все это, понял, представил, а значит — пережил? Ведь Чугунову было после войны всего восемь-десять лет.

Повесть «Прости меня завтра» создавалась трудно. Виктор Чугунов написал несколько вариантов, стараясь точнее выразить свой замысел. В одном из вариантов, который был опубликован посмертно, писатель опять рассказывает уже не только о падении, но и возрождении человеческой души. О тяжелой цене

этого возрождения. Сорокин здесь руководит бригадой на строительстве железной дороги. В бригаде такие же, как он, опустившиеся, потерявшие себя люди. Антон Сорокин трудно, медленно возвращается к самому себе прежнему.

Второй вариант повести оптимистичнее, композиционно стройнее. Но и первая редакция имеет право на внимание читателя. В частности, и потому, что в опубликованном варианте приглушен один очень интересный образ — молодой учительницы Людмилы Ивановны. Мы видим ее судьбу в скрещении с судьбой Сорокина. Видим диалектику одной женской души в ее отношении к Антону: сначала слепая, безудержная отроческая любовь-страсть; потом столь же бурное презрение, затем спокойная, снисходительная жалость; снова любовь — уже мудрая, зрелая, спасающая...

Повесть кончается эпилогом. Неожиданным. Точным в передаче интонации и ритма бытия. Напряженность, драматизм основного действия находит здесь разрешение в спокойной эпичности. Бурная жизнь героев наконец входит в свои берега. И в этой с таким трудом обретенной обыкновенности, будничности Чугунов, как всегда, видит высокую мудрость. Люди живут по вечному, одному и тому же распорядку: встречаются, теряют друг друга, умирают, рожают детей, забывают обо всем, что было. Жизнь же соединяет разных людей. И все меняет, перекраивает по-своему.

Он беспрестанно боролся с нехваткой времени. Росли на столе стопки черновиков, перебивали один другой замыслы, хотелось прочитать многие книги. Бросить работу горного инженера? Вопрос этот вста-

вал часто. Но Чугунов неизменно отвечал на него отрицательно. Ему казалось: если порвать с шахтой, уйдет из-под ног почва, на которой он выросал в писателя. И тогда Чугунов пытался выработать для себя жесткое расписание, дабы избежать сутолоки, суеты.

Из дневника — 9 января 1972 года: «Чтобы написать дельное, надо не только уметь жить чувствами других и мыслить по-своему, надо знать. Знание — это единственная всемогущая сила. Но как и когда овладевать знаниями, если дни проходят в мелочных заботах и делах? От того застои, от неверия и незнания. И все, между прочим, спрашивают: «Что новенького написал?» Будто это так обыденно и легко, как спросить: «Сколько заработал?» Даже отец спрашивает...

А мне бы время...

Больше мне ничего не надо».

В рассказах Чугунова начала 70-х годов мы знакомимся с новым героем. Появление его отразило и движение всей нашей литературы, и движение конкретного писательского сознания.

Кто он, этот герой? Если сказать коротко, — это человек, пытающийся оторваться от быта и поразмыслить о вечном. В маленьком провинциальном городке он ощущает себя почти Спинозой. Он немного смешон. Он страдает, чувствуя насмешки окружающих, и гордо поднимает голову. Функция этого героя в рассказе и состоит, в основном, в том, что он думает.

Чтобы представить генеалогию героя и его литературных «соседей», вспомним хотя бы «чудиков»-философов В. Шукшина. Осмысливая жизнь, они не спят по ночам, как сельский председатель из рассказа «Думы». Или пишут толстые трактаты о сути и

принципах государственного устройства, как телевизионный мастер Князев. Или...

Герой Чугунова шахтер с редким именем Галактион сидит в свободное время на лавке во дворе, «обратив к тополям большое задумчивое лицо». На Галактиона тоже смотрят как на чудака: жильцы сверяют по нему часы и узнают, какую одежду надеть. Галактиону же нравится «каким-то далеким чувством сознавать, что это сидение нужно людям, жизнь которых всегда состоит из удобных и привычных мелочей». И Галактион прорывается сквозь эти мелочи — тяжело, упорно; его мысли часто «сбивали одна другую»... Он смело постигает незнакомую для себя работу — думать.

Фиксируя состояние этой души, Чугунов отмечает по-своему напряженный момент: переход человека от забот о материальном к заботам о духовном. Этот важный переход прослежен писателем в масштабах одной судьбы. Галактиону за сорок. И он имеет все, что положено иметь человеку. Жену и четверых детей. Хорошую квартиру и достаток в доме. Есть у Галактиона даже своя дача. Впрочем, дача как раз и стала камнем преткновения в этой жизни. Построив дачу, Галактион вдруг охладевает к хозяйству. Он не может дальше жить так, как жил раньше. Слово плотина, преграждает поток его дней вопрос: зачем?

Человеку органически чуждо одиночество, ему всегда хочется рассказать кому-то свою душу. Хочется диалога — понимания. С какой страстью Галактион тянется к людям! Он хитрит, лукавит — ради того только, чтобы вступить в диалог, чтобы поднять своего собеседника на новый уровень мышления — от констатации фактов бытия к их осмыслению.

Писатель с состраданием описывает своего героя, который мечтает о диалоге-сотворчестве. Войдем ненадолго в этот мир «красного Галактиона». Вот он, как

всегда, выходит во двор. Вечер. Мужики азартно стучат домино. Галактион не играет. Но он подсаживается к играющим и, точно невзначай, заводит разговор:

«— Уладилась погода... Вчера заходил на метеостанцию, сказали — тепло будет...

— Дык полмесяца дождь и дождь. Куда ешо? — отвечали ему.

— Дождь тоже нужен. Без дождя как? С дождем и хлебу благодать, и картошке. Рабочему классу это не безынтересно.

— Катился бы он, этот дождь, — срывался какой-нибудь парень, обычно с соседнего двора. Страна большая — хлеб будет.

— Откуль он возьмется?

— У меня об этом заботы нет, — кричал парень. — Каждый о своем думает. Я стране уголь даю, а страна мне хлебушек подавай — вот и Вася-косой...

— Петух ты, — корил Галактион, — я пример приведу: у тебя, сопляка, еще детей нет, ты и не понимаешь. Вон дядю Степу возьми, Наумова — у него семь душ. Раньше-то, когда дядя Степа молодой был, ему, к примеру, горстки пшеницы на день хватало. Так? А теперь их семь надо, горстков-то? Откуль они родятся? Из господи живешь? Вот и пожалуйста. Так и хлеб; народу помножилось — хлеба больше надо, а хлебари-то пошли, я пример приведу, как ты — давай и все, а как — заботы нет.

Одни поддакивали, другие хитро шурились.

— Скрытый ты мужик, Галактион. И все промеж нас какие-то разговоры проводишь. Что тебе?

— Как что? Заботы имею, обучить ли что...»

...Нет, Чугунов здесь никому не подражает. Потребность литературного процесса совпала с его собственными жизненными замечаниями. Поэтому и не похож ни на кого в главном чугуновский герой-«мысли».

тель». Его портрет индивидуален в галерее образов современной прозы.

Чугунов стремился запечатлеть непростую жизнь человеческого сознания; поток этого сознания передан писателем через диалог. Я вспомнил, читая рассказ «Красный Галактион», запись в дневнике Чугунова от 10 ноября 1970 года, запись, сделанную не без усмешки: «В будущем, видимо, у меня спросят, отчего загромождаю сочинения диалогами? Придется ответить, что исхожу из собственной практики: на диалогах реже засыпаю».

Структура рассказа «Красный Галактион» диалогична. Художественная форма здесь на редкость адекватна жизненному содержанию. Герой ведет в рассказе беспрестанные диалоги с другими людьми, с самим собой. В результате этих диалогов человек и превращается из «частного» лица в общественную личность.

Рассказ заканчивается тем, с чего начался. Красный Галактион по-прежнему сидит на скамейке. Писатель обрывает «протокол» его диалога с миром; но мы знаем: эти диалоги продолжаются.

Разумеется, «думающие герои» Чугунова не на одно лицо. Иные из героев обладают культурой мышления, только сами раздумья не становятся от этого проще. В рассказе «Товарищ Буховцев», который опубликован посмертно, читатель приобщается к драме пожилого человека, бывшего руководителя крупного комбината. Мы видим его позднее прозрение. Долгие годы все мысли Буховцева определяло одно слово «надо!» И думая о людях, он думал прежде всего о деле, смотрел на подчиненных строго и трезво — только под углом их полезности предприятию.

Выйдя на пенсию, Буховцев «превращается» в немолодого одинокого человека. Он сначала с недоумением, а потом с раскаянием пытается понять причину

собственного одиночества. И он осознает свою трагическую ошибку, иллюзорность былых принципов: работать для народа, не замечая конкретных людей. К счастью, Буховцев видит: прийти к людям еще не поздно. Нет, это никогда не поздно,— подтверждает писатель.

Жене и сыновьям Чугунова запомнился в мелочах, деталях последний день его жизни.

Накануне вечером Виктор Александрович просмотрел и разобрал всю свою переписку. Перечитал и сделал пометки на многих рукописях. Следующим днем он долго говорил с приятелями. Размышлял о принципах построения психологического детектива, спорил о телефильме «Семнадцать мгновений весны».

Уже часа в четыре, как вспоминает заведующая отделом редакции городской газеты Т. А. Булдакова, забежал в «Знамя шахтера». Извинился: не сможет прийти вечером на собрание литгруппы.

И не пришел уже никогда.

Это было незадолго до его гибели. 26 декабря 1973 года. В то же самое число — в 1970-м — Виктора Чугунова приняли в Союз писателей.

...В моих записях «столкнулись» случайно две выписки из тетрадей Чугунова:

«Я люблю всякую жизнь...»

«Я погибну под поездом дачным,

Улыбаясь из-под колес...»

Есть ли здесь противоречие? Мне кажется, нет; есть какая-то интуитивная диалектика в его ощущении жизни и своей судьбы.

...Начинал эти заметки о Викторе Чугунове ранней зимой, а заканчиваю их в начале лета, когда в

окно врывается пронзительно яркая зелень. Весна всегда — во что бы то ни стало! — приходит на смену зиме; жизнь продолжается, — Чугунов верил в это как в конечную и радостную истину. В одном из писем он обронил, обращаясь к жене и детям, а может, — и к нам всем: «Живите, живите...»

Старший сын Чугунова, Олег, уже выучился в институте на нефтяника. До этого успел поработать в угольном карьере. «Живите, живите...» Я вспомнил вдруг эти слова, когда вечером Олег собирался в ДК на танцы.

...Как складывался бы дальше писательский путь Виктора Чугунова? Не раз я думал об этом, перечитывая опубликованные его вещи, угадывая по незаконченным рукописям очертания новых его произведений, которые вот-вот должны были родиться, но у которых никогда не будет «настоящего времени».

Смерть резко подвела черту. Смерть заставила размышлять о масштабах дарования... И все-таки не стоит гадать, расставлять оценки. Стоит задуматься об уроках этой судьбы.

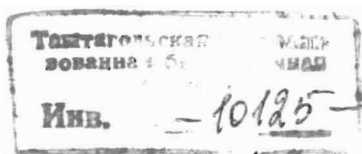
Итоги пути художника часто емче, чем просто написанного им. Не сомневаюсь: лучшие произведения Виктора Чугунова останутся вниманием еще многих читателей. Но безусловно и другое: след его промелькнувшей на литературном небосклоне звезды был столь ярким также потому, что Виктор Чугунов снова напомнил нам об «искусстве жить достойно».

Напомнил: в литературе, как и в жизни, бывают разные судьбы. Иные писатели долго и счастливо идут дорогой творчества, заранее разметив вехи собственного пути, оберегая свой талант от неожиданностей и потрясений.

Нет, не такой была жизнь и судьба Виктора Чу-
гунова. Не случайно по своей второй, кроме писатель-
ской, профессии он был взрывником, любил риск, лю-
бил оставаться наедине со смертью, чтобы каждый раз
ее побеждать.

Он и в искусстве жил отчаянно, весело, трудно;
преодолевая «сопротивление материала» — слова, за-
давая себе и своим героям мучительные вопросы о веч-
ном и простом смысле человеческого бытия.

Жил, не щадя сил и своей души, не загадывая на
завтрашний день.

Евсей Львович Цейтлин

ЖИТЬ И ВЕРИТЬ...

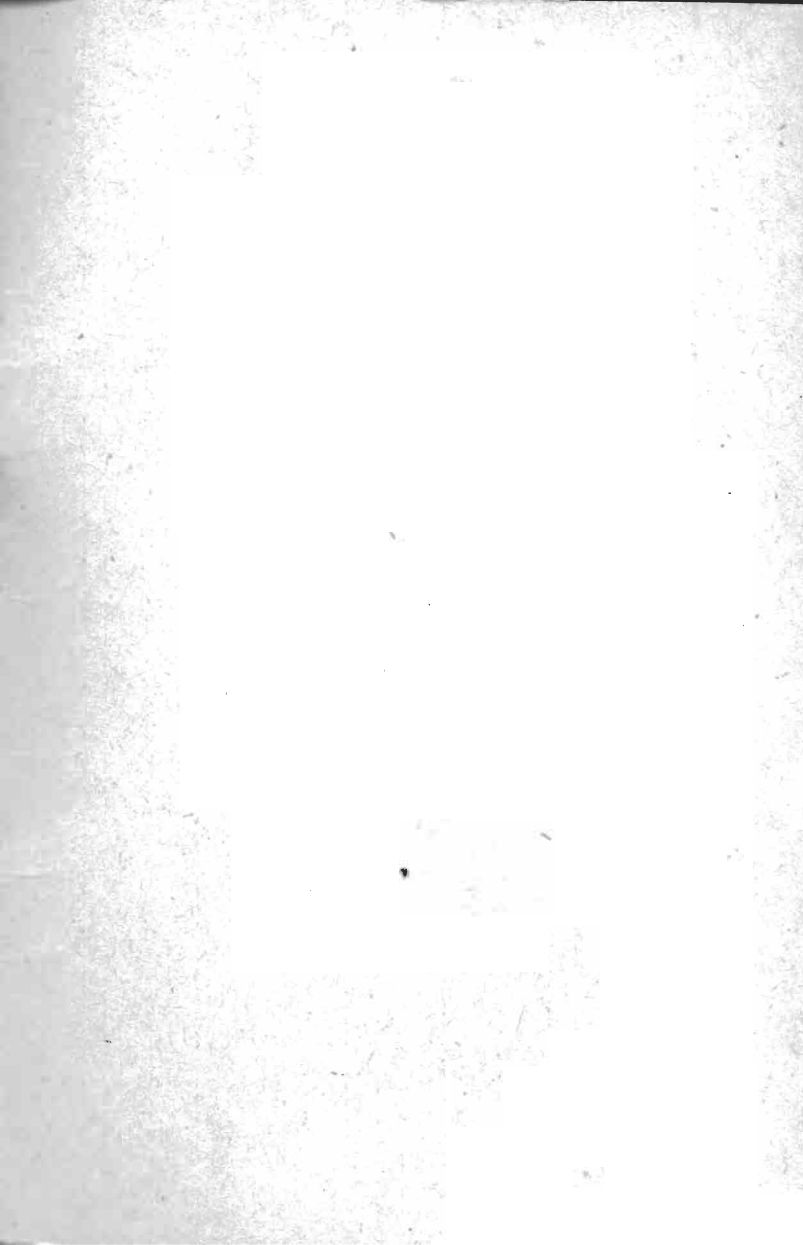
*Документальное повествование
о Викторе Чугунове,
шахтере и писателе*

Редактор **Л. В. Глебова**
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор **Е. А. Царева**

ИБ № 774

Сдано в набор 28.07.82. Подписано
к печати 29.11.82. ОП07566. Формат
70×90¹/₃₂. Бумага типографская
№ 3. Гарнитура Обыкновенная. Пе-
чать высокая. Усл. печ. л. 2,19.
Усл. кр.-отт. 2,37. Уч.-изд. л. 2,53.
Тираж 15 000 экз. Заказ 13270.
Цена 10 к.

Кемеровское книжное издательство.
Полиграфкомбинат. Адрес издатель-
ства и типографии: 650059, г. Ке-
мерово, ул. Ноградская, 5.

10 к.